

Сергей ЗВЕРЕВ
ОСТОРОЖНО,
РАБОТАЕТ ДЕСАНТУРА!

Сергей Иванович Зверев

Осторожно, работает десантура!

Серия «Спецназ ВДВ»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377325

Осторожно, работает десантура!: Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-51505-9

Аннотация

Парижская полиция задержала главу «Северокавказского халифата», террориста и бандита Салмана Гудаева. Но выдавать его российским властям почему-то не спешит. А вскоре становится известно, что Гудаева и вовсе собираются отпустить на волю. Россия не может и не хочет допустить, чтобы отморозок снова очутился на свободе и продолжил свои кровавые дела. И поэтому в Париж летят опытейшие специалисты-диверсанты из спецназа ВДВ – капитан Демидов и сержант Локис. Ситуация развивалась настолько стремительно, что руководство даже не успело поставить группе четкую задачу. Зато оно зачем-то отправило вместе с десантниками молоденькую переводчицу из МИДа. Какова ее задача, спецы узнают лишь в ходе операции...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	52
Глава 9	63
Глава 10	70
Глава 11	76
Глава 12	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Сергей Иванович Зверев

Осторожно, работает десантура!

Глава 1

Аэропорт Орли. Париж. Середина мая 2010 года.

Прибытие авиарейса Лондон – Париж

Самолет авиакомпании «Эйр Франс», выполнявший рейс Лондон – Париж, коснулся шасси бетонки международного парижского аэропорта Орли. Пробежав по ней, он свернул на рулежную дорожку и, постепенно снижая скорость, остановился. Пассажиры терпеливо ждали, когда им предложат пройти к выходу. Кое-кто из них поглядывал в иллюминатор, где за огромными стеклами аэропорта были видны встречающие прилетевших пассажиров люди.

Через двадцать минут к борту самолета подали трап. Милостивая стюардесса, не переставая улыбаться, открыла боковой люк.

– Уважаемые дамы и господа, – проговорила она по-французски, – наш полет завершен; надеюсь, он доставил вам удовольствие. Сейчас вы можете покинуть самолет через этот выход. Большое спасибо за то, что вы воспользовались услу-

гами нашей авиакомпании...

Она заканчивала повторять эту дежурную фразу по-английски, а на трап уже ступил высокий мужчина с аккуратной подстриженной седой бородкой, одетый в дорогой английский костюм и легкое шерстяное пальто с белоснежным шелковым кашне. В руках он держал кожаный кейс. Проходя мимо стюардессы, мужчина изобразил на своем неевропейском лице нечто, отдаленно напоминавшее улыбку. Сказав девушке что-то на непонятном ей языке, он слегка поклонился.

У таможенной стойки мужчина небрежно предъявил паспорт Соединенного Королевства Великобритания. Чиновник в форме таможенника равнодушно перелистал его, наметанным взглядом сравнил фотографию с оригиналом.

– А где ваш багаж, месье? – спросил чиновник на вполне приличном английском языке. Весь его вид ясно давал понять, что ему нет никакого дела ни до самого пассажира, ни тем более до его багажа, но служебная инструкция требовала, чтобы он задавал этот вопрос.

– У меня его нет... – отозвался мужчина, также по-английски, но с каким-то странным и жутким акцентом. Он положил на стойку для досмотра свой кейс и щелкнул замками. – Только бумаги...

Таможенник скользнул по открытому чемоданчику взглядом и монотонно проговорил, делая одновременно с этим приглашающий проходить жест:

– Добро пожаловать во Францию, месье!

Дождавшись, когда вновь прибывший пассажир отойдет от стойки достаточно далеко, чтобы не слышать его, чиновник обернулся и поманил одного из своих коллег.

– Передай ажанам, – быстро проговорил он, – что тот, кого они встречают уже третий день, только что прошел паспортный контроль.

– А чего же ты сам его не задержал? – удивленно вскинул брови тот.

– Мое дело проверить у него документы, – холодно ответил чиновник. – Они у него в порядке. Остальным пусть занимается полиция. Каждый должен выполнять свою работу и не вмешиваться в чужие дела.

В большом зале аэропорта мужчину поджидали такие же бородатые люди. Они были одеты менее элегантно и дорого, а к прилетевшему человеку обращались с особенной почтительностью, чуть-чуть сгибаясь в пояснице, когда он удостоивал кого-нибудь из них вниманием.

– У нас все готово, Салман-халиф, ждем только вас...

– Сколько людей удалось собрать? – на ходу спросил тот, кого величали высоким титулом.

– Около полутора сотен человек.

– Есть представители с Северного Кавказа?

– Только те, которые успели уехать раньше. Зато прибыли из Закавказья. Особенно много из Грузии...

– Этим-то чего надо? – недовольно поморщился Салман. – Хотя ладно, для количества и они пригодятся.

Разговаривая, все пятеро подошли к выходу из аэропорта. Неожиданно дорогу им преградили двое мужчин в штатском, в окружении нескольких постовых полицейских. Один из штатских вскинул руку, показывая зажатый в ней значок с какой-то эмблемой на фоне французского государственного флага. Он что-то сказал, и полицейские тут же окружили всех пятерых. Встречавшие Салмана люди встревоженно завертели головами, пытаясь закрыть своего предводителя. Лица у них были решительными и сердитыми. Сам же он оставался совершенно спокоен.

Между тем штатские о чем-то горячо заспорили.

– Вас зовут Салман Гудаев? – спросил второй штатский по-русски с легким акцентом.

– Предположим, – так же по-русски ответил «халиф». – Это что-то меняет?

– Вы только что прилетели из Великобритании? – игнорируя вопрос, продолжал спрашивать француз.

– Я не понимаю, что вам от меня нужно, – пожал Салман плечами. – Я что-то нарушил? Когда, спрашивается, успел? Всего несколько сотен шагов только и сделал...

– Отвечайте на мои вопросы, – оборвал его мужчина. – Итак, вы проживаете в Великобритании, правительство которой признало вас политическим беженцем. Это их право. Но во Франции у вас такого статуса нет. Поскольку Россия заявила вас в международный розыск как уголовного преступника, мы вынуждены задержать вас и препроводить в

тюрьму.

– Ты что такое говоришь, сын осла?! – оскалившись, прокричал один из встречавших Салмана мужчин. – Я тебе язык оторву вместе с твоей бараньей головой!!!

Он схватил переводчика за отвороты пиджака и рванул на себя. Тот, испуганно отшатнувшись, выкрикнул какую-то команду. Впрочем, ажаны и без нее набросились на парня и стали выворачивать ему руки за спину. Раздался щелчок наручников. В следующее мгновение несдержанного чеченца свалили на пол и прижали к нему, зафиксировав за голову. С Гудаевым и остальными его людьми полицейские обошлись более «гуманно», их не стали валить на пол. Убедившись, что сопротивление подавлено, ажаны потащили пятерых задержанных к полицейскому фургону.

– Не вздумайте сопротивляться, олухи, – тихо проговорил Салман по-чеченски. – Это вам не Россия. Здесь за такие вещи вас сгноят в какой-нибудь тюрьме...

– Месье Гудаев, – подойдя к решетке, проговорил переводчик, – вы и ваши люди пытались оказывать сопротивление при задержании. Кроме того, было совершено нападение на офицера полиции. Это еще одна причина, по которой мы вынуждены задержать вас всех.

– Надеюсь, что все скоро выяснится и вы нас всех отпустите, – стараясь быть подчеркнуто вежливым, ответил тот. – У вас ведь чтут демократические законы?

Переводчик неопределенно пожал плечами.

– Это решаю не я, а суд, – пробормотал он, отходя в сторону.

Гудаев посмотрел ему в спину и повернулся к тому, кто хотел его так неуклюже защитить.

– Кто тебя просил вмешиваться?! – сквозь зубы прошипел он, делая злое лицо. – Если бы не твоя дурь, меня бы через два дня отпустили. А теперь неизвестно, когда мы опять окажемся на свободе. Кретин! Ты хоть понимаешь, какое дело срывается?

Провинившийся, опустив голову, молчал.

– Прости его, отец, – попросил второй помощник. – Он думал...

– Не тем местом он думал! – раздраженно перебил Гудаев. – Потому что головой он думать не мог. Там для этого нет одной маленькой детальки – мозг называется!

Салман буквально клокотал от ярости. Его, такого влиятельного и уважаемого человека, везли в тюрьму как простого уголовника. И хотя европейские тюрьмы не были похожи на российские, оптимизма ему это не прибавляло. Во всяком случае, во Францию он прилетел не для того, чтобы совершить экскурсию в одну из парижских тюряг, а для того, чтобы начать осуществлять свою мечту – создание на Северном Кавказе халифата. Эту идею он начал вынашивать, еще когда состоял в правительстве самопровозглашенной Республики Ичкерия. Он тщательно готовился к этому; он, и только он, провел титаническую организационную работу, на-

шел единомышленников и тех, кто согласился профинансировать этот проект. В августе 1998 года это почти удалось, но уже через два года стало понятно, что довести задуманное до конца не удастся. Федеральные войска теснили боевые группы в горы, местное население уже не было настроено столь патриотично, как в самом начале боевых действий. Да и военные сменили тактику. Теперь они не шли напролом очертя голову, а действовали мобильными группами, активно собирали данные агентурной разведки и вели мощную пропаганду, всюду называя бойцов за независимость бандитами и террористами. Остаться в Чечне становилось все опасней. И не потому, что его могли в любой момент арестовать. Как раз этого он боялся меньше всего. Его могли банально убить! Причем сделать это могли его же телохранители.

Салман срочно переехал в Англию, объявив, что новое российское правительство преследует его за политические и религиозные убеждения, и на этом основании получил статус политического эмигранта. Выбор страны был неслучаен: англичане крайне редко выдавали тех, кто просил у них именно политического убежища.

За десять лет ему удалось создать мощную религиозно-политическую организацию «Северокавказский халифат», готовую начать подпольную деятельность в Чечне, в Ингушетии и Дагестане... И вот он, глава халифата, угодил в тюрьму. И из-за чего?! Из-за тупой угодливости одного из своих помощников...

Глава 2

Балашиха, Подмосковье.

Начало июня 2010 года

Володя Локис, сержант-контрактник подразделения спецназа ВДВ, блаженствовал. Неделю назад командир их части полковник Туманов подписал ему рапорт на очередной отпуск. И вот уже завтра Володя рассчитывал получить по банковской карте отпускные деньги и улететь отдыхать в Сочи. Он звал с собой маму, Анну Тимофеевну, но та решительно отказалась.

– Я, Володя, тебе там только мешать буду, – отнекивалась она. – Ты молодой, тебе развлечься захочется. С девушкой на танцы сходить. Или там в ресторане с ней посидеть. Или в кафе каком-нибудь. А тут я... Да и потом, поздно в моем возрасте по курортам мотаться. Для меня теперь лучший отдых – с тяткой на даче. Так что поезжай один.

– Ма, ну какой, к шутам, возраст? – продолжал уговаривать сын. – Ты же еще молодая! И потом, посмотри, как за границей пенсионеры живут. Они же из круизов не вылезают!

– Так то за границей, – отмахнулась Анна Тимофеевна. – У них воспитание другое. И вообще, отстань ты от меня со своими Сочами! Не хочу я никуда ехать. Мне на даче нравится отдыхать.

Поняв, что уговорить мать не удастся, Володя махнул рукой и стал готовиться к предстоящему отъезду. Он купил новые плавки, шорты, несколько маек, две пары сандалий... даже новую спортивную сумку, хотя и старая выглядела еще вполне прилично.

А впереди у нас три дня и три ночи,
И шашлычок под коньячок – вкусно очень!
И я готов расцеловать город Сочи
За то, что свел меня с тобой! —

напевал Локис, стоя под душем после утренней пробежки. Он не помнил, где слышал эту песенку с таким простеньким, но запоминающимся мотивом. Но она ему так понравилась, что он не только узнал имя автора, но и не поленился купить диск Сергея Трофимова, больше известного под псевдонимом Трофим. Сейчас припев этой песни как нельзя лучше подходил под чемоданно-курортное настроение Володи.

– Мам, – крикнул он из ванной, – завтрак готов?

– Давно уже, – отозвалась Анна Тимофеевна. – Стоит на столе и стынет, пока ты, как тюлень, полощешься.

– Почему как? – поинтересовался Локис, входя в комнату. – Даже обидно. Что же, я не тяну на тюленя? Такой же большой, сильный и добрый.

Анна Тимофеевна улыбнулась, глядя на сильный мускулистый торс сына. От него веяло мощью и какой-то скрытой угрозой. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы по-

нять – этого парня «любителям острых ощущений» лучше не трогать и в темном переулке «сигаретку не стрелять».

– Ешь иди, – сказала мать. – Между прочим, тюлень толстый и неповоротливый, а ты у меня больше на медведя похож.

Володя рассмеялся. В своем подразделении у него был именно такой боевой псевдоним – Медведь. Но мать об этом не знала, да и не могла знать. И вовсе не потому, что это являлось страшной военной тайной, которую строго хранили за семью печатями. Просто по официальной версии, которую сын «скармливал» Анне Тимофеевне все это время, он не принимал никакого участия в боевых операциях, а заведовал продовольственно-вещевым складом. А частые командировки объяснял тем, что ездит на испытательный полигон во Владимирскую область. Правда, с каждой новой командировкой скрывать от матери истину становилось все сложнее. По всем признакам, она явно что-то подозревала. И небезосновательно. На самом деле сержант-контрактник Владимир Локис был снайпером в разведывательно-диверсионной группе. И все его командировки никогда не отличались ни простотой, ни тем более безопасностью. Локис понимал, что когда-нибудь придется платить за эту «святую ложь» довольно дорогой ценой – родительским доверием.

Володя допивал чай, когда зазвонил домашний телефон. С кружкой в руке он вышел в прихожую и снял трубку.

– Алло? – полувопросительно произнес Локис.

– Это Смольный? – пророкотал в мембране бас командира его группы капитана Лешки Демидова под псевдонимом Купец. – У аппарата товарищ Урицкий!

Подобные шутки повторялись при каждом телефонном звонке и были чем-то наподобие пароля. По фамилии того, кем представлялся Купец, Володя без труда мог догадаться, с какими новостями он ему звонит. На этот раз фамилия председателя Военно-революционного совета Моисея Урицкого не предвещала ничего хорошего. Локис почувствовал, как у него засосало под ложечкой.

– Купа, не тяни, – упавшим голосом попросил Володя. – Лучше вываливай все и сразу...

На том конце провода послышался тяжелый, продолжительный вздох.

– Ты чемоданы уже упаковал? – начал все же издалека Демидов.

– Ну, уложил, – осторожно ответил Володя. – Ты хочешь сказать, что придется разбирать?

Он спросил это, хотя уже точно знал ответ. Случилось что-то, из-за чего его отзывают из отпуска, который еще и не начался.

– В общем, тема такая, – запинаясь, начал объяснять Демидов. – Тут нарисовалась прогулка, и, сам понимаешь, Батя объявил общий сбор, «яблоко-206»... Говорит, дело срочное, отлагательств не терпит.

Володя вздохнул. Формально в отпуск он уходил только с

завтрашнего дня. А это означало, что до двадцати четырех часов ноля минут он себе не принадлежал. И при общем сборе с кодовым названием «яблоко-206» он был обязан немедленно явиться в часть.

– Во сколько я должен быть в батальоне? – обреченно спросил Локис.

– Вова, ты же опытный человек, – с нескрываемой укоризной пробасил в трубку Демидов. – Собирайся, не тяни время.

По инструкции, каждый разведчик должен прибыть в свое подразделение максимум через час после того, как ему станет известно, что объявлено «яблоко». Несколько секунд Володя слушал короткие гудки отбоя, потом положил трубку на рычаги и, мысленно чертыхнувшись, пошел надевать форму, которую всего несколько дней назад постирал и запихал в самый дальний угол шкафа. На удивленно-вопросительный взгляд матери он только раздраженно махнул рукой и коротко бросил: «Служба, ма, никуда не денешься».

Глава 3

Командир спецполка ВДВ полковник Михаил Савельевич Туманов, которого все в полку уважительно называли Батя, сидел в своем рабочем кабинете и с хмурым видом вертел в руках карандаш.

– Они там что, совсем с ума посходили? – громко возмущался он. – У меня, между прочим, служат разведчики-диверсанты, а не воры-домушники! Это ж надо до чего додумались – возьми и укради из самого центра Европы человека! И добро бы он был каким-то ценным агентом, резидентом или там еще каким-то «ентом». Но ведь это же бандит бандитом, на котором клейма негде ставить! Шлепнуть его прямо там, и все дела... Так нет, привези живым! И ради него я должен посылать к черту на кулички своих лучших людей! Да на одну подготовку уйдет уйма времени! А мне говорят, что на это времени вообще нет!

Сидевший справа от него начальник штаба части подполковник Сагалов тоже хмурил брови, но молчал. Ждал, когда его командир и начальник выпустит пар. Он, как штабист и опытный диверсант, не раз выполнявший сложнейшие задания командования, прекрасно понимал все трудности предстоящей операции. Самой главной трудностью была катастрофическая нехватка времени на подготовку бойцов. Точнее, его попросту не было!

– Михал Савельич, товарищ полковник, – попытался вставить свое слово Сагалов, – мы ведь военные люди...

– Вот именно, Виктор Антонович, что мы военные! – у начавшего было выдыхаться Туманова словно открылось второе дыхание. – Ты это правильно заметил – военные, а не крикуны-дипломаты, которые не могут договориться между собой! А эта работа! Она как раз по их части. Они должны улаживать подобные вопросы!

– Но если им что-то не удастся, – быстро вставил Сагалов, – в дело неизменно вступаем мы. Так что все логично, Михаил Савельич.

Туманов несколько секунд смотрел на своего начштаба, подбирая наиболее весомые слова для ответного словесного выпада, но четкий уверенный стук в дверь не дал ему этого сделать.

– Войдите, – громко крикнул полковник, сердито сверкнув в сторону Сагалова глазами, давая понять, что спор на этом не закончен, а только прерван.

В кабинет командира полка вошли пятеро десантников в камуфлированной форме. Старший по званию вскинул руку к правому виску.

– Товарищ гвардии полковник, разведывательно-диверсионная группа специального назначения в количестве пяти человек... – начал докладывать он, но Туманов жестом оборвал доклад.

– Я и так вижу, Демидов, кто вы и сколько вас, – провор-

чал он. — Рассаживайтесь.

Десантники подсели к столу и выжидательно посмотрели на полковника.

— Вот, — обращаясь не к ним, а к Сагалову, с нескрываемым ехидством проговорил Туманов, — теперь этим бравым парням и расскажи, чем мы, военные, должны заниматься, когда бессильны дипломаты.

Сагалов глухо откашлялся. С Тумановым они были дружны давно, прекрасно знали все плохие и хорошие качества друг друга. Но с тех пор, как Туманов стал командовать спецполком, он сделался значительно раздражительней и придиричивей. Понять его было можно. Он привык все делать сам, но на должности командира полка не успевал это чисто физически. От него требовали, «снимали стружку», грозили взысканиями. Туманов нервничал, дергался и вообще очень тяжело переживал все это, с тоской вспоминая то счастливое время, когда командовал только взводом. Понимал Сагалов и то, что Туманов ничего лишнего на него не переложил. Вводить разведчиков в курс предстоящей операции входило в круг обязанностей начальника штаба. Он же должен был разрабатывать эту операцию и выдавать командиру группы пакет с этими разработками. Но на этот раз был особый случай: не имелось ни пакета, ни разработок, ни плана, ни даже идей. Было только задание, но и оно было сформулировано в общих чертах.

— Значит, парни, дело такое, — начал Сагалов, медленно

подбирая слова. – Новости по телевизору, надеюсь, все смотрите? О том, что во Франции задержан небезызвестный вам Салман Гудаев, слышали? Кто он такой, вам рассказывать не надо.

Он обвел тяжелым взглядом всех пятерых. Разведчики молчали, внимательно глядя на начальника штаба. Им действительно не надо было рассказывать о Салмане Гудаеве. Каждый из них хотя бы раз сталкивался с его бандами. Да и сам Сагалов был тяжело ранен и едва не погиб в одном из боев с гудаевцами.

– Так вот, этого у... – Сагалов на миг запнулся, считая неудобным ругаться при подчиненных и одновременно не находя подходящих синонимов. – Бандита, – наконец с трудом выдавил он, – убийцу и грабителя по всем существующим в мире законам должны были экстрадировать в Россию, поскольку он заявлен в международный розыск. Во всяком случае, наш МИД и Генпрокуратура хлопотали об этом. Но есть сведения, что безуспешно и что этого подонка собираются отпустить.

Сагалов опять замолчал. Разведчики тоже ничего не говорили, понимая, что вступление закончено и сейчас перед ними будут ставить боевую задачу.

– В общем, слушай сюда, Демидов, – вмешался неожиданно Туманов. – Твоей группе предстоит выкрасть эту сволоту и доставить в Москву. И имейте в виду, что привезти его надо живым и невредимым!

В кабинете повисла напряженная тишина. Нарушил ее Демидов.

— А на хрена он тут нужен? — как-то по-детски глупо спросил он. — Грохнуть его прямо там, как Троцкого когда-то, и все...

Туманов скривился, как от зубной боли.

— Если вы, товарищ капитан, — внушительно проговорил он, — не понимаете некоторых вещей, то лучше помолчите.

— В том, чтобы Гудаев был доставлен живым, — стал пояснять Сагалов, — заинтересованы несколько российских министерств, в том числе и наше родное Министерство обороны.

Он опять замолчал и вдруг, виновато улыбнувшись, признался:

— Откровенно говоря, я и сам не знаю, для чего им это надо. Видимо, какая-то политическая интрига затевается...

— Я все же не совсем понимаю, — опять встрял Демидов. — Это приказ или только пожелание?

Туманов и Сагалов переглянулись. Демидов был толковым разведчиком, но нередко любил «включать дурака», прикидываясь не совсем сообразительным. Особенно часто он это делал в общении с вышестоящим начальством, когда хотел настоять на своем. И Туманов, и Сагалов знали об этом, но прощали ему.

— Капитан Демидов, — переходя на официальный тон, проговорил полковник. — Повторяю, что Гудаев должен быть

доставлен на территорию России живым. И только живым! Вам это понятно? Убить его вы имеете право только в самом крайнем случае. Слышите? Самом крайнем! Если не будет никакой возможности привезти живым.

Купец, вытянувшись по стойке «смирно», по-уставному ответил:

– Так точно, товарищ гвардии полковник, понятно! Убивать только в самом крайнем случае!

– Сядь, – махнул рукой Туманов, – не на параде. Значит, так: в этом задании имеются сложности. Первая из которых – отсутствие плана действий.

– О как! – невольно вырвалось у Локиса. – То есть действуем наобум, как боженька положит...

– Куда кривая выведет, – перебил Володю Туманов. – Сержант, кто вас учил перебивать старших по званию?

– Виноват, – тут же извинился Локис, – случайно вырвалось...

– Это само собой разумеется, что виноват, – проворчал Туманов и продолжил: – Вторая сложность: вылет этой ночью. Паспорта и деньги получите в аэропорту, легенду придумаете в самолете. Там же решите, как будете действовать...

Телефонный звонок не дал ему договорить. Туманов раздраженно снял трубку.

– Слушаю, Туманов, – недовольно проговорил он. – Что? Какой, к черту, Корнейчик?! Соколов, ты выпил, что ли? Я

занят! Что-о? От кого был звонок? А почему он мне лично не позвонил? Конечно, не можешь! Хорошо, выпиши пропуск и проводи ко мне... Господа офицеры, – торжественно сказал он, поднимаясь, – поступила новая вводная. Ждем некоего Корнейчика от генерала Журбина из управления внешней разведки. Похоже, к этому делу подключились смежники.

Глава 4

Бизнес-классом Володя Локис летел первый раз в жизни. И был несказанно разочарован тем, что увидел. Он почему-то совсем по-другому представлял себе эти элитные салоны. Оказалось, что ничего особенного. В общем-то, можно было обойтись и без этих, как выразился Купец, понтов, но на бизнес-классе настояла Аня Корнейчик – та самая молодая особа, которая приехала к Туманову от генерала Журбина.

Она появилась в кабинете полковника через полчаса, в сопровождении дежурного по части майора Соколова. Скромно войдя, тихо поздоровалась и представилась:

– Анна Корнейчик, переводчик...

– Кто? – переспросил Туманов, глядя на невысокую, хрупкую девчушку с копной рыжеватых волос.

– Переводчик... – повторила девушка. – Прикомандирована к вашей группе от Министерства иностранных дел...

– Что-о-о? – единым вздохом пронеслось по кабинету.

– Какой переводчик?! Какое министерство? – опять начал заводится Туманов. Он бушевал минут десять, хотя и старался не употреблять крепких слов и выражений. Смысл его возмущений сводился в основном к тому, что начальство совсем съехало с катушек, раз приняло решение включить в разведгруппу гражданского человека, да ко всему прочему

сопливую девчонку, которая ничего не смыслит в разведывательной работе и будет только обузой, балластом для десантников. Остальные присутствующие растерянно молчали. По большому счету, их командир был прав. Брать в группу постороннего человека, гражданского, женщину, пусть даже и симпатичную, даже учитывая, что работать предстоит не в лесу или горах, – это, знаете ли, кощунство!

Однако девушку несколько не смутил такой прием. Она уверенно подошла к столу Туманова и положила перед ним серый пакет с красными сургучными печатями. Полковник осекся на полуслове.

Откинув голову на спинку кресла и прикрыв глаза, Локис улыбнулся уголками губ, вспомнив, как отвисла челюсть у боевого офицера, когда он прочел содержимое пакета.

– А что я могу, парни? – глухо проговорил полковник. – Приказ есть приказ. Едут только двое из вашей группы и вот эта... мамзель. Кто поедет, решайте сами...

Этот вопрос решили быстро. Купец, не мудрствуя лукаво, предложил бросить жребий. Лететь выпало Локису и Демидову...

Почему он отказался ехать в Сочи и согласился выйти из отпуска, Володя сам не понимал. Он оправдывал это решение тем, что приказы не обсуждают, а выполняют. Но в глубине души понимал, что это не так. Побывать в Европе за казенный счет – кто ж от такого откажется... Впрочем, Локис прекрасно осознавал, что насладиться созерцанием ше-

девров Лувра и красотами Елисейских Полей ему вряд ли удастся. Как ни крути, а во Францию он ехал не развлекаться, а работать.

– Что лыбишься, Медведь? – поинтересовался Демидов, отвлекая Локиса от воспоминаний. – Ты бы лучше придумал, как этого Гудаева вывозить будем.

– Ты командир группы, вот ты и думай, – предложил Володя, не открывая глаз. – И вообще, у нашей милой переводчицы, по-моему, на все случаи жизни есть инструкции. Спроси у нее...

Демидов возмущенно фыркнул, но промолчал. Анечка Корнейчик с самого начала вела себя несколько странно. Купец не успел опомниться, как она перехватила у него власть – стала говорить уверенным, не допускающим возражений тоном. Не привыкший, что в его группе может руководить кто-то другой, кроме него, Купец попробовал было возмутиться и вернуть ускользающие от него бразды правления, но Корнейчик лучезарно улыбнулась ему и невинно захлопала длинными ресницами больших голубых глаз. Купец махнул на все рукой, решив «не связываться с бабой». Он демонстративно не замечал девушку, но при этом подчеркнуто вежливо выполнял все ее то ли просьбы, то ли распоряжения.

– Мальчики, – услышал Володя сквозь дрему голос Анны, она сидела через проход от разведчиков, – а почему вы ничего не заказываете? Так дело не пойдет, вы себя... как это

называется? Демаскируете, кажется. Правильно? По нашей с вами легенде, я – ваш переводчик, а вы – богатые русские туристы, которые едут во Францию отдыхать. Вы просто обязаны начинать кутить еще в самолете!

– И откуда такая милая барышня знает такие жуткие слова, – улыбнувшись, спросил Володя. – Меня от них оторопь берет...

– Книжек детективных начиталась, – пробурчал себе под нос Демидов, нажимая кнопку вызова стюардессы. – Да всяких шпионских киношек посмотрелась, вот и умничает теперь.

– Грубый ты человек, Алексей, – шутливо попенял Володя другу. – Такая девушка с нами летит, а ты...

– Что поделать, – Купец развел руками. – Трудное детство, скользкие подоконники, деревянные игрушки, привинченные к полу... Тут, как говорится, не до политесов. Девушка, мне, пожалуйста, сто пятьдесят коньяку, – попросил он подошедшую к ним стюардессу.

– Скажите, Володя, а ваш приятель всегда такой хмурый? – тихо, чтобы не услышал Демидов, спросила Корнейчик.

– Не обращайтесь внимания, – посоветовал Локис. – Просто Ку... Алексей панически боится высоты, а уж от перелетов его просто трясет мелкой дрожью...

Сидевший рядом с ним Купец от этого заявления Локиса расплескал на колени содержимое бокала, из которого со-

бирался выпить. Уставившись на Володю круглыми глазами, он несколько секунд приходил в себя.

– Это кого дрожь прошибает? – громко спросил он.

Володя несильно ткнул друга в бок локтем, и остатки коньяка выплеснулись Купцу на грудь.

– Черт! – выругался тот. – Медведь, ты аккуратней толкаться не можешь? Я же так ни капли и не выпил!

– Не переживай, Леха, – миролюбиво ответил Локис, – стоимость выпивки включена в цену билета. Я правильно излагаю?

Последний вопрос был адресован Анне. Та в знак согласия кивнула.

– Только сильно не увлекайтесь, – предупредила она. – На борту самолета запасы спиртного ограничены. К тому же имейте в виду, что после куршевельского скандала французская полиция очень подозрительно относится к пьяным русским. Могут не впустить в страну...

– И какой дурак придумал, – проворчал Демидов, опять вызывая стюардессу, – что русские пьют больше всех в мире? Немец над рюмкой шнапса просидит полдня, зато пива выдует полторы бочки... И это у них называется отдых!

Подошедшая стюардесса, увидев пустой бокал и облитого коньяком Купца, только удивленно вскинула левую бровь, но ничего говорить не стала.

– Повторите... – попросил Демидов, протягивая ей пустую посуду. – А то расплескалось, трясет сильно...

Девушка удалилась, неопределенно хмыкнув. Через несколько минут она принесла две маленькие бутылочки. Серdito сопя и косясь на Володю, Купец открыл одну и залпом выпил. Вторую он убрал в карман пиджака.

– Аня, – Локис перегнулся через подлокотник кресла, – я вам открою еще одну страшную тайну! Только вы никому о ней не рассказывайте. Договорились? Мой друг влюблен в вас! Но стесняется признаться...

Володя не успел досказать; Демидов захлопнул ему рот своей широченной ладонью, прижал к груди и прошипел сердито:

– Вовка, завязывай валять дурака. Накажу. Больно наказу...

Локис, соглашаясь, покивал, давая понять, что все понял. При этом он едва сдерживал душивший его смех, прекрасно зная, что ничего Демидов ему не сделает. А его обещание наказать – пустая угроза. Причина командирского недовольства и раздражительности была не только в том, что переводчица Корнейчик с легкостью «отобрала» у него руководство операцией. Она, эта причина, крылась значительно глубже.

Незадолго до этого задания Демидова вызвал к себе заместитель командира полка по работе с личным составом Мартынюк – вредный мужичонка, которого за глаза все десантники называли «руководитель по борьбе с личным составом». Мартынюк начал служить, еще когда в армии были замполиты, бдительно следившие за моральным обликом

солдат и офицеров. Видимо, те идеи надежно застряли у него в подкорке головного мозга. И он никак не мог от них избавиться. Правда, теперь он опирался не на «Моральный кодекс строителя коммунизма», а на христианское учение. Менее занудными его беседы от этого не стали.

Смысл мартынюковских претензий к Демидову заключался в том, что Купец «нечутко отнесся к своей бывшей жене». Год назад она сбежала, не выдержав постоянных командировок Алексея, а когда решила вернуться, нарвалась на решительный отказ. Кто-то надоумил оскорбленную женщину обратиться к Мартынюку. Два часа бывший замполит занудным голосом читал капитану лекции о необходимости прощать заблудших. Не выдержав, Купец обложил собеседника матом. Это было весьма опрометчиво с его стороны, несмотря на то что все происходило без свидетелей. Мартынюк был злопамятным и мстительным. Пакостить Купцу он начал уже на следующий день. Мало того, он пытался воспротивиться посылке Демидова на это задание, утверждая: капитан «недостоин такой чести». И очень болезненно отреагировал, узнав, что Туманов не прислушался к его мнению. Зная характер Мартынюка, Купец прекрасно понимал, что тот просто так от него не отстанет. Но винил он в этом не свою несдержанность, а бывшую супругу, автоматически перенося эту неприязнь на всех женщин. Хотя закостенелым женоненавистником не был. Володины заигрывания с переводчицей раздражали Демидова. Особенно ему не нравилось, что

объектом для своих подначек Локис выбрал именно его.

– Вот и молодец, что понял, – проворчал Демидов, отпуская Володю.

– Алексей, ну почему вы так реагируете? – вмешалась в разговор Корнейчик. – Я же понимаю, что Володя шутит...

Купец бросил на переводчицу недовольный взгляд и полез в карман за бутылочкой коньяка.

– Дамы и господа, – прозвучал в репродукторах мягкий женский голос. – Наш самолет начинает снижение. Просим вас пристегнуть ремни и не курить...

Глава 5

Из аэропорта Шарля де Голля до гостиницы они добрались на такси. На этом опять же настояла Анна. Купец даже не пытался спорить с ней, поскольку, не зная французского языка, понятия не имел, о чем она договаривается. Напрасно Локис рассчитывал, что раз полет проходил с шиком, то и гостиница будет превосходной. Мало того, что отель был где-то на окраине одного из пригородов Парижа, так он оказался маленьким и некомфортабельным.

– Не понял, – совершенно искренне удивился Володя, оглядывая двухэтажный дом с сильно заросшим плющом фасадом. Видимо, владелец решил, что это дешевле, чем ремонтировать его. – А разве имидж богатых «новых русских» предполагает проживание в таком отеле?

– Богатые русские туристы остались в аэропорту, – с улыбкой ответила Корнейчик, – точнее, они там потерялись. Теперь вы – простые гастарбайтеры, а я – тот человек, который помогает вам устроиться в стране. Потому и гостиница у вас соответствует вашему новому статусу.

От неожиданности Володя присвистнул.

– Ни фига себе перескоки! – проговорил он. – То мы Крезы, то иностранные рабочие... А нельзя ли узнать заранее о том, в кого мы в следующий раз превратимся?

– Нельзя, – твердо сказала девушка.

По каменной лестнице они вошли в отель. Пока Анна разговаривала с портье, Володя огляделся. Это был самый заурядный отель для людей, достаток которых назывался средним или ниже среднего. Конечно, он ни в какое сравнение не шел с теми провинциальными гостиницами российской глубинки, в которых Локису доводилось жить. Но для благополучной европейской страны это была почти ночлежка, однако чистая и довольно приличная. Володя почему-то вспомнил романы Эжена Сю о людях парижского дна. «Может, и эта гостиница из тех времен?» – рассеянно подумал он, рассматривая какие-то дешевенькие натюрморты, висящие на стенах.

– Мальчики, – позвала их Корнейчик, – все в порядке. Идемте...

По узкой крутой лестнице они втроем поднялись на второй этаж и остановились в полутемном коридоре.

– Ваши номера 23 и 24, – сказала Анна, протягивая им ключи с большими деревянными брелоками с выбитыми на них цифрами. – Мне сейчас надо уйти. Большая просьба: пока я не вернусь, никуда из отеля не выходить.

– Мы арестованы? – Демидов предпринял очередную попытку взбунтоваться. – Хотелось бы знать кем?

– Нет, – терпеливо ответила Корнейчик, – вы не арестованы. Это делается для вашей собственной безопасности.

– Черт знает что! – возмутился Демидов, открывая дверь своего номера. – Наберут детей в десант, а молока не дают...

И главное, все рвутся в полководцы! Знал бы, что так получится, я бы хрен куда поехал...

Он, с грохотом хлопнув дверью, скрылся в номере.

– Не шумите, – крикнула ему вслед Аня. – Здесь это не принято, можно угодить в полицию!

Из-за двери слышалось глухое ворчание.

– Не сердитесь на него, Анечка, – попросил Локис. – В душе он очень хороший человек...

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, – просто ответила девушка. – Но все же очень прошу вас, Володя: проконтролируйте, чтобы он не сбежал.

Не дожидаясь, что ей на это скажут, она быстро спустилась вниз.

Володя вошел в свой номер. Через небольшой тамбур-прихожую он попал в небольшую комнатку. Обстановка в ней была предельно простой. Полутораспальная кровать, рядом с которой располагались небольшая тумбочка и торшер; напротив кровати на специальной подставке стоял маленький телевизор, а возле стены приютился складной столик.

Володя раздвинул шторы и выглянул в окно. Оно выходило в небольшой аккуратненький дворик, в котором флегматичный дворник лениво водил метлой на одном месте. А в остальном вид был довольно унылый. Отойдя от окна, Локис лег на кровать и закинул руки за голову.

Их положение действительно неопределенное. Выкрасть

человека и провести его через пол-Европы – полный абсурд. Причем сделать это надо незаметно и быстро. К тому же не было хоть сколько-нибудь четкого плана действия. Непонятна и роль Анны. Подсознательно Володя понимал, что во всей этой операции ей отводится главная роль, а они с Демидовым приставлены к ней в качестве «грубой мужской силы». Размышляя об этом, Локис и сам не заметил, как задремал.

Проснулся он оттого, что в дверь коротко стукнули, и она тут же открылась. Локис резко сел на кровати. За окном наплывали сумерки. В комнату широкими шагами вошел Демидов.

– Случилось чего? – спросил Володя, глядя на озабоченное лицо друга.

– Ну, у тебя и вопросыки, Вова, – вспыхнул тот. – На задание отправили только треть группы, ничего толком не объяснили, всучили какую-то пигалицу, которая всем распоряжается. А теперь еще и выходить никуда нельзя! И после всего этого ты наивно спрашиваешь, не случилось ли чего!!! Я от твоих слов балдею!

Локис улыбнулся. Наконец-то Купца прорвало. Все, чем он был недоволен все эти дни, все, что в нем накапливалось, поперло из него.

– А куда ты, Леха, собрался идти? – поинтересовался Локис. – Языка мы не знаем, города тоже, паспорта у нас забрала эта, как ты выразился, пигалица еще в аэропорту. И до-

куда ты дойдешь при таком раскладе? До первого полицейского?

– Я жрать хочу, – мрачно признался Демидов.

– Вот с этого и надо было начинать, – рассмеялся Локис. Он открыл свою спортивную сумку, с которой приехал в Париж; достав из нее полиэтиленовый пакет, перекинул его напарнику. – На, подкрепись. Сухомятка, конечно, но хоть чем-то желудок набьешь.

– Что это? – вертя в руках пакет, недоверчиво спросил Алексей.

– Мать, как всегда, в дорогу собрала «тормозок», – ответил Володя. – Она же не знала, что я поехал в самый цивилизованный город в мире.

Не успел Купец вцепиться зубами в первый бутерброд, как в дверь опять постучали.

– Войдите! – крикнул Локис по-русски, не сразу сообразив, что стоявший за дверью человек может не понять его. Но дверь и без того уже открылась, и в номер вошла Аня. В руках она держала довольно увесистые бумажные пакеты. Подойдя к столу, принялась выкладывать из них продукты и напитки в красивых ярких упаковках.

– Ну что, мальчишки, не успели по мне соскучиться? – как-то особенно жизнерадостно спросила переводчица. – А у меня для вас неплохие новости. Объект еще не выпущен из тюрьмы; значит, из страны он сбежать не сможет. Правда, и нам его там достать будет проблематично.

– Очень точное, а главное, своевременно подмеченное наблюдение, – дожевывая второй бутерброд, ехидно проговорил Демидов. – Эту информацию можно было прочесть в газете и услышать в теленовостях. И что проблемы будут, знали еще в Москве. Так что, милое дитя, никаких новостей вы нам не рассказали.

Корнейчик терпеливо дослушала язвительную отповедь Демидова и заговорила снова:

– Выполнить задание проблематично, но возможно. Я выяснила: у объекта назначено два слушания. Одно, связанное с его возможной экстрадицией в Россию, уже состоялось. Результат его вам известен. А вот связанное с оказанием сопротивления сотрудникам правопорядка должно пройти через три дня. И это надо как-то использовать...

– Как? – опять перебил девушку Демидов, смахнув крошки с подбородка. – Взять штурмом французскую тюрьму? Или напасть на него в Доме правосудия? Уверяю вас, что у нас пупок развяжется!

– Послушайте, Алексей, – переводчица устало посмотрела на Демидова, – почему вы меня все время перебиваете и не даете договорить? Вы на меня за что-то сердитесь?

– Да не сержусь я на вас, – раздраженно отмахнулся от Анны Купец. – Просто считаю, что вы занимаетесь не своим делом. Вы кто? Переводчик? Так вот и переводите, а шпионаж и диверсия – это уже наш профиль!

Анна внимательно слушала Демидова, слегка склонив го-

лову к правому плечу и наморщив носик.

– Сейчас, Алексей, – проговорила она тихо, – мы с вами делаем одно общее дело, извините за пафос. Я – такой же член группы, с определенными знаниями и навыками. Поэтому давайте не будем делиться на «боеспособных» и «небоеспособных». Если вы до сих пор не поняли, могу объяснить: я – такой же офицер управления, как и вы. Только у меня несколько иной профиль в работе. Сейчас объединили сотрудников двух отделов, и вы обеспечиваете мое силовое прикрытие...

На несколько минут в гостиничной комнатухе установилась неловкая тишина.

– И в каком же чине, – пытаюсь разрядить обстановку, спросил Локис, – служат в нашем управлении такие симпатичные офицерши?

– Не думаю, что это столь уж важно, – быстро ответила Корнейчик и предложила: – Давайте продолжим начатый разговор. Есть одна задумка, как затянуть процесс освобождения «объекта». Но нужно обсудить некоторые детали...

Глава 6

Адвокат Мишель Порше вызвался представлять интересы Салмана Гудаева в суде отнюдь не из-за «торжества справедливости и защищая интересы демократии». Хотя именно об этом трубили все французские газетчики и репортеры. На самом деле все было гораздо прозаичней. Та сумма, которую предложили месье Порше, ему очень понравилась. А когда ему сказали, что в случае, если Гудаева освободят, эта сумма может удвоиться, адвокат уже не раздумывал. Он не входил в десятку лучших парижских адвокатов, но считался молодым, перспективным, подающим надежды. Имел свою контору в центре Парижа, секретаршу и даже двух помощников, выпускников Коллеж-де-Франс.

Первое дело, отказ Генпрокуратуре России выдать Гудаева как уголовного преступника, мэтр Порше выиграл с той легкостью, на которую и рассчитывал.

Основную ставку он делал на «имперские амбиции России», на ее «стремительное продвижение на Запад», что серьезно «угрожало демократии, в особенности в самой Франции». Рассказал судье об ужасах, которые творят русские солдаты в Ичкерии, родной стране Гудаева, хотя где находится эта Ичкерия и существует ли она вообще, не имел ни малейшего понятия. До кучи он приплел «газовый скандал», хотя знал о нем лишь понаслышке. Словом, Порше говорил

все то, что говорят многие политики, когда хотят добиться своего от простого народа. Решение суда было единогласным — в экстрадиции отказать.

Однако, несмотря на это, из тюрьмы Гудаева не выпустили, поскольку он обвинялся в сопротивлении и покушении на полицейских. А это было уже серьезно. За это Гудаеву и его спутникам грозил тюремный срок и большой штраф. Никто не смеет покушаться на представителя французского правопорядка. И хотя сам мэтр недолюбливал ажанов еще со студенческой скамьи, законы своей страны он уважал. Впрочем, судьба гудаевских спутников, задержанных вместе с ним в Орли, Порше не интересовала, поскольку о них с самого начала речи не было.

Теперь ему предстояло выполнить нелегкую задачу: доказать судьям, что сам Гудаев не собирался ни на кого покушаться, а затеявший это дело старший инспектор Люка бессовестно врет.

Сидя в своей конторе, Порше мучительно ломал голову, как это сделать. Пока все говорило за то, что Гудаев, едва выйдя из самолета, попытался напасть на Люка в тот момент, когда инспектор хотел проверить у него документы. Он дал своим помощникам задание опросить персонал аэропорта и найти свидетелей, готовых дать нужные мэтру показания. Но таковых не находилось. Никто не хотел связываться с полицейскими.

Адвокат выбрался из-за стола и прошелся по комнате. До

начала служебных слушаний «Департамент полиции против Гудаева» оставалось всего два дня, а у него так и не было хоть сколько-нибудь стоящего факта, которым можно было бы прижать полицейского инспектора. Он сказал об этом Гудаеву – они встречались почти каждый день, общаясь через переводчика. Лицо у того осталось бесстрастным и непроницаемым. Но по тому, как он сверкнул в сторону адвоката тяжелым взглядом, Порше понял, что будет лучше, в первую очередь для него же самого, если такие факты найдутся до суда.

Зуммер телефонного звонка отвлек Порше от тягостных размышлений. Машинально нажав кнопку громкой связи, он проговорил:

– Мэтр Порше на связи.

– Месье Порше, – раздался в комнате голос его секретарши Мари, – к вам посетительница, которая называет себя Анитой Лурье. Говорит, что это очень важно для вас...

– Мари, – несколько раздраженным голосом перебил секретаря мэтр, – я же предупредил вас, что сильно занят и никого не смогу принять еще несколько дней.

– Но, месье Порше, – виновато проговорила Мари, – эта мадемуазель утверждает, что у нее есть информация, которая вас заинтересует... Возможно, это как-то связано с тем русским?

Порше на мгновение задумался. Единственная информация, которая могла его сейчас заинтересовать, была связана

только с Гудаевым. Об этом могли знать многие, поскольку газетчики все еще продолжали, хотя и вяло, муссировать эту тему.

– Хорошо, впустите ее, – нехотя ответил Порше, отключая громкую связь и быстро садясь в свое высокое кресло.

Едва он успел придать лицу озабоченно-деловое выражение, в кабинет вошла посетительница. С первого же взгляда Порше, как истинный француз, оценил ее по достоинству. Невысокого роста, с прекрасно сложенной фигурой, красивыми ногами и высокой грудью; копна густых рыжеватых волос, молочно-белая кожа лица и огромные голубые глаза завершали картину совершенства. Девушка была одета в строгий деловой костюм серого цвета, который сидел на ней безупречно. От восхищения у Порше слегка приоткрылся рот. Он, не отрываясь, смотрел на вошедшую девушку, не в силах произнести ни слова.

– Позвольте пройти, месье? – Голос у посетительницы был мягкий, даже бархатный. Она говорила на правильном французском языке, с легким южным акцентом.

– Да-да, мадемуазель, – торопливо проговорил мэтр Порше, стряхивая с себя наваждение. – Извините меня, я просто очарован вами... Прошу!

Он неловко, боком выбрался из кресла и жестом пригласил посетительницу сесть. Та, пройдя, как модель по подиуму, элегантно села на стул. Закинув ногу на ногу, достала из сумочки пачку дамских сигарет и вопросительно посмотре-

ла на адвоката.

– Курите, – разрешил тот, пододвигая ей пепельницу. Обычно Порше редко разрешал курить в своем кабинете. – Так что вы хотели мне рассказать, мадемуазель?.. – спросил он, опять сядя в свое кресло.

– Мадемуазель Лурье, – подсказала девушка, выпуская вверх тонкую струйку дыма. – Мадемуазель Анита Лурье.

– Я слушаю вас, мадемуазель Лурье, – повторил мэтр.

– Из газет я узнала, – не торопясь заговорила посетительница, – что вы занимаетесь делом некоего господина Гудаева и у вас появились некоторые затруднения со сбором доказательств его невиновности. Я правильно излагаю?

– Не совсем, – слукавил Порше. – Газетчики сильно преувеличивают мои затруднения...

– Перестаньте, мэтр, – Лурье укоризненно покачала головой. – Мне тоже не нравятся газетчики. Но дело в том, что я знаю таких людей, как ваш клиент. Точнее, я знаю его соплеменников, потому что мне приходилось с ними общаться. Так вот, хочу предупредить вас, что если послезавтра Гудаев не окажется на свободе, то к вечеру вам отрежут голову и пришлют ее вашим родственникам.

– Перестаньте меня запугивать! – резко сказал Порше. – Иначе я вызову полицию!

– Вам это не поможет, – так же резко ответила Лурье. – Меня выпустят через пару часов, а вы все равно лишитесь головы.

– Послушайте, мадемуазель Лурье, – устало проговорил Порше. – Или как вас там на самом деле зовут. Я очень занятой человек. У меня расписана каждая минута и нет времени на бредовые разговоры. Мы живем в цивилизованном обществе...

– Хотите посмотреть, что сделали на родине вашего клиента с англичанами из Красного Креста? А ведь они тоже помогали им, – неожиданно предложила девушка, расстегивая сумочку. – У меня есть несколько фотографий...

Она небрежно бросила через стол конверт, из которого выпало несколько снимков. Порше нехотя взял один из них; через секунду лицо у него побледнело, он нервно сглотнул.

– Откуда это у вас? – выдавил он через силу.

– Какое это имеет значение? – пожала плечами Лурье, гася сигарету. – Важно, что эти снимки доказывают, что в цивилизованном обществе вас могут защитить только от цивилизованных преступников. Но я хотела бы поговорить о другом...

Порше осторожно отложил в сторону страшные фотографии и недоуменно посмотрел на девушку.

– У меня есть то, что вам надо, – продолжала она. – Это запись задержания вашего клиента в Орли. Я могу вам предоставить диск, но...

Посетительница сделала многозначительную паузу и потерла указательный и большой палец.

– Сколько? – хрипло спросил Порше.

– Думаю, – Лурье задумчиво посмотрела в потолок, – пятьдесят тысяч евро не очень большая сумма за вашу голову.

– У меня нет таких денег, – сипло ответил мэтр.

– Ну, что ж, – девушка поднялась со стула, – вы знаете свою дальнейшую судьбу. Счастливо оставаться...

– Погодите! – крикнул Порше. – Я найду их! Но только я должен вам верить, что диск действительно существует!

– А у вас есть другой выход? – хмыкнула от двери Анита. – Мне кажется, что нет. Так что поторопитесь, времени у вас не очень-то много. Послезавтра процесс... Я позвоню вам сегодня вечером.

Когда странная посетительница вышла, Порше откинулся на высокую спинку мягкого кресла. Мозг его лихорадочно работал. У него были сбережения, но если отдать их за диск, то он останется нищим. Трясущимися руками адвокат достал из тумбы стола бутылку коньяка, плеснул напиток в стакан и залпом выпил.

«А что, если она мошенница? – промелькнуло у него в голове. – Но как это узнать? Заявить в полицию? А если запись действительно существует? Тогда полиция конфискует ее и сделает все, чтобы на суде она не появилась. Где же взять деньги? Если я выиграю, то...»

Лицо его вдруг просветлело. Схватив телефонную трубку, он принялся лихорадочно набирать номер...

Глава 7

Демидов, заложив руки за спину, нервно расхаживал по номеру. Через пару часов после того, как Анна уехала реализовывать первую часть их плана, Купец вихрем ворвался к Володе в номер и спросил:

– Пигалица не приехала?

У каждого разведчика есть оперативный псевдоним. Корнейчик Демидов окрестил «Пигалицей» и теперь не стеснялся называть ее так.

Получив отрицательный ответ, он забежал по комнате. Это продолжалось уже несколько часов. Временами Демидов резко останавливался перед лежащим на кровати Локисом и начинал доставать его вопросами.

– Как полагаешь, этот козел клюнет? – спросил Купец, в очередной раз глядя в упор на Володю. Волнение приятеля за Аню как-то незаметно передалось и Локису, но он старался не подавать вида. После того как Корнейчик сказала, что тоже принадлежит к их ведомству, но только к другому отделу, отношение Купца к ней несколько изменилось. Во всяком случае, он перестал косо смотреть в ее сторону.

– Ну, откуда я знаю, Купа, миленький, – простонал Владимир, – Анька сказала, что должно сработать. Намекала, что у нее есть нечто такое, что должно его напугать... И что это за «нечто» – ни ты, ни я не знаем.

– Вот именно, – перебил друга Демидов, – что мы ни хрена не знаем! Она нам скармливает информацию в час по чайной ложке, а мы ее хаваем, как последние дураки! Сидим тут пнями вторые сутки, плесенью покрываемся... Терпеть не могу неопределенности. Вот когда она придет?

– Купа, – взмолился Локис, – прекрати меня пытаться! Ты уже третий час мне мозг вынимаешь своими вопросами! Иди лучше съешь что-нибудь; может, хоть тогда успокоишься...

– Отстань ты от меня со своими подначками, – раздраженно проговорил Купец, начиная опять метаться по комнате, – и без них тошно! Где ее черти носят, – бормотал он, нервно потирая виски. – Ведь предлагал же ей подстраховать – так нет же, «я сама, я сама»! Якалка хренова. Придет, уши ей надеру!

– И каким образом ты собирался ее подстраховать? – поинтересовался Володя, вставая с кровати. – Ошивался бы на улице, привлекая внимание своими габаритами? Между прочим, за границей не принято без дела слоняться туда-сюда по улице и стоять столбом на одном месте. Это считается подозрительным.

– А вот это хренушки! – Демидов остановился перед Локисом, уперев руки в бока. – Я с ней пошел бы и, если что, этому барану кадык бы вырвал! Я бы его на куски порвал, я бы его...

Что еще он сделал бы с тем, кто посмел бы покуситься на Корнейчик, досказать Купец не успел. Дверь бесшумно рас-

пахнулась, и в комнату вошла Анна. Увидев, что с девушкой ничего не случилось, Демидов мгновенно успокоился и, сев на кровать, прикрыл глаза, прикидываясь равнодушным.

– Ну, как все прошло? – спросил Володя, хотя по сосредоточенному лицу девушки догадался: все не так плохо, но есть какие-то затруднения.

– Более или менее нормально, – ответила девушка.

– Он вам поверил?

– Пока не знаю, – честно призналась Корнейчик. – Во всяком случае, испугался того, что я ему показала. Но главное – обещал собрать деньги. Я ему перезвоню вечером и тогда буду знать результат...

Десантники переглянулись.

– Секунду, а какие деньги он должен собрать? – растерянно спросил Локис. Демидов в разговор не вмешивался. Он сидел в кресле и с сосредоточенным видом сопел.

– Это неважно, – отмахнулась Анна, – значительно важнее сейчас решить, где назначать ему встречу и как мы будем его нейтрализовывать. У вас есть на этот счет какие-нибудь соображения?

– Да, какие тут, на хрен, соображения, – подал вдруг голос Демидов. – В репу разок дадим, запакуем, как ребенка, и в машину...

– Стоп, стоп, стоп, – прервала его Корнейчик. – Не забывайте, что вы в Европе, а не в России. Это у нас никто не обратит внимания на дерущихся мужчин, а здесь мигом вы-

зовут полицейских. И через минуту их будет больше, чем вы можете себе представить!

– Да ладно, – не поверил Купец, – не может такого быть...

– Это правда, Алексей, – заверила его Корнейчик. – Надо придумать какую-то более тонкую комбинацию.

– А мне нравится предложение Лешки, – неожиданно заявил Локис. – Только надо место поглуше выбрать. Чтоб народу было поменьше.

Корнейчик озадаченно переводила взгляд с одного разведчика на другого. Она не могла понять, говорят они всерьез или дурачатся. Но лица обоих десантников были совершенно серьезны.

– Выбрать какой-нибудь парк, – продолжал развивать свою мысль Володя, – глухую аллею, бульвар или что-нибудь наподобие того. Поставить неподалеку машину. Когда этот крендель появится, лаптать его. Вам, Аня, даже ходить никуда не придется...

– Можно и по-другому, на людном месте, – высказал свое предложение Демидов, – подъезжаем на машине, хватаем его, запикиваем в салон – и привет семье. Главное – определиться, где будем его брать и куда его потом везти. Есть надежное место?

– Место есть, но... Мальчишки, – с надеждой в голосе проговорила Корнейчик, – вы шутите?

– Да какие, на хрен, шутки, – пожал плечами Демидов. – У нас времени – кот наплакал, а вы говорите, шутим!

– Тогда вы, мальчики, сумасшедшие, – констатировала Анна. – Я же вам русским языком говорю, что здесь полиция на каждом углу, плюс автопатрули. Вы не успеете даже десяти шагов сделать!

– Ерунда, – отмахнулся Купец, вставая с кровати. – Мы и не в таких переделках бывали, и ничего, живы-здоровы. Так что звоните этому обалдую и, как только он согласится, назначайте встречу. Все равно где. Нам главное осмотреть то место, где вы с ним собираетесь встретиться.

Корнейчик помотала головой.

– Послушайте, ребята, – решительно проговорила она, – я отвечаю за успех всей операции и не имею права рисковать. Это не первое мое задание за границей, и поверьте, что здешние порядки я знаю лучше вас...

– Господа, – вмешался Локис, – мы напрасно теряем время. Вот вы, Анна, лично вы, что предлагаете?

– Я предлагаю пригласить его в ресторан, – обстоятельно заговорила переводчица, – там я подсыплю ему в бокал...

– И эта Пигалица, – обращаясь к Локису, но указывая пальцем на Корнейчик, перебил девушку Купец, – утверждает, что из одного с нами ведомства? Я умираю со смеху. Да кто тебе сказал, что этот хмырь захочет с тобой идти в ресторан?! Где это видано, чтобы шантажист и его жертва мирно обедали после завершения сделки?

– Не забывайте, что он – француз, – кокетливо поправляя локон, ответила Корнейчик, – а я – молодая и привлекатель-

ная женщина. И потом, это не шантаж, а сделка.

– Чушь! – решительно возразил Демидов. – Для него вы – шантажист!

– Алексей, – наставительно проговорила Аня, – если я не нравлюсь вам, это не означает, что не нравлюсь другим мужчинам. Я права, Володя?

– Аня, звоните этому французу, – потребовал Локис. – Хватит заниматься болтовней!

Девушка посмотрела на часы и начала торопливо рыться в сумочке. Найдя мобильный телефон, она быстро набрала номер и нажала кнопку вызова. Приложив трубку к уху, несколько секунд слушала длинные гудки.

– Алле, – наконец проговорила Анна, переходя на французский язык.

Разведчики внимательно вслушивались в незнакомую речь, не понимая ни слова, но стараясь по выражению лица Корнейчик понять, о чем она договаривается. Минут через десять, произнеся «адье», Анна нажала кнопку отбоя и внимательно посмотрела на разведчиков.

– Он согласился заплатить за диск, – проговорила она, – и готов встретиться сегодня, в двенадцать ночи, но у него жесткое условие: мы встречаемся на его территории. В этом он оказался очень настойчив...

Несколько минут разведчики молчали, что-то обдумывая. Видимо, им не очень-то понравилось то, что они услышали.

– А может, оно и к лучшему? – неуверенно проговорил

Локис. — Во всяком случае, нам не придется мотаться по улице, высматривая, в каком месте удобней его хлопнуть.

— Доля здравого смысла в этом есть, — согласился Демидов. — Но есть и неприятный момент: мы не знаем, как выглядит «его» территория.

— Я нарисую план, — быстро сказала Корнейчик. Она достала блокнотик и принялась в нем что-то чертить.

— Тогда осталось прояснить два последних вопроса, — кивнул Демидов. — Первое — где взять машину, и второе — куда этого хрена потом везти. С первым справиться проще, машину можно угнать. Со вторым значительно сложнее...

— Ничего сложного, — не отрываясь от своего занятия, заявила Анна, — мы привезем его сюда.

Разведчики недоуменно уставились на девушку.

— Я потом вам все объясню, — сказала она. — И ни о чем не беспокойтесь. Здесь у нас все схвачено, за все заплачено... Вот, — она протянула листок бумаги, — это план здания...

Десантники склонились над творчеством девушки.

Глава 8

Адвокат Порше нервно барабанил по столешнице пальцами, часто бросая взгляд на каминные часы. Ему казалось, что стрелки замерли. Он даже несколько раз подходил к часам, проверяя, не остановились ли они. Но часы продолжали мерно тикать, отсчитывая последние минуты до встречи с Анитой Лурье. Порше чувствовал, как нарастает его нервозность. Чтобы успокоиться, он выпил коньяку и теперь испытывал легкое головокружение. Однако мозг, как ему казалось, оставался светлым и ясным.

Телефон, по которому он звонил после ухода мадемуазель Лурье, принадлежал одному из сторонников Гудаева. Его оставил ему тот самый человек, что предложил Порше вести дела своего патрона, разрешив при этом в случае возникновения каких-либо сложностей звонить в любое время. До сих пор в этом не было надобности.

Ему ответили почти сразу. Адвокат кратко рассказал о своей проблеме и попросил денег. Его слушали не перебивая.

– Когда она должна передать вам диск? – спросил его собеседник на том конце телефонной линии.

– Мадемуазель сказала, что будет звонить вечером, – растерянно отозвался Порше, – ведь я не дал окончательного ответа...

– Договоритесь о встрече с этой особой, – проговорил голос в трубке, – и немедленно перезвоните мне. Да, и ни в коем случае не соглашайтесь встречаться с ней там, где предложит она. Только в вашей конторе! На этом пока все...

Порше сделал все, как ему сказали. Через час после второго звонка неизвестному «благодетелю» к нему в кабинет вошли трое мужчин: улыбчивый молодой человек в сопровождении двух здоровяков, на которых костюмы выглядели как-то нелепо.

Молодой человек был лучшим «чистильщиком» в организации, созданной Салманом Радуевым.

– Месье Порше, – проговорил он, – эти люди помогут вам получить диск бесплатно. Согласитесь, глупо платить за то, что можно взять даром... Во всяком случае, так считает мой патрон, и я с ним полностью согласен.

– Но могут возникнуть осложнения с полицией, – с опаской оглядывая звероподобных мужчин, сказал Порше. – Эта мадемуазель показалась мне умной и хитрой...

– Вот мы и посмотрим, насколько она умна, – рассмеялся молодой человек. – Заодно выясним, откуда у нее эта запись. На выходе из Орли нет никаких камер слежения, я это проверял лично. Мне кажется, что это провокация. Или мошенничество.

– Какая провокация? – машинально спросил Порше, продолжая рассматривать парней.

– А вот это мы и выясним, – со злорадной ухмылкой по-

обещал Аджаев. — Эти парни умеют развязывать языки.

Порше покачал головой, но спорить не стал. Он понял, что имел в виду этот странный человек со змеиным взглядом, говоря о «развязывании языков». Единственное, чего он теперь хотел, чтобы эта процедура проходила где-нибудь подальше от его конторы. Ближе к полуночи парней спрятали в приемной, а Газит остался в кабинете Порше.

И вот теперь адвокат ждал, когда появится Анита Лурье. От волнения из-за предстоящей встречи и всего того, что должно было произойти дальше, его слух, несмотря на приличную дозу алкоголя, обострился до предела. Возможно, именно поэтому шаги на лестнице он слышал очень ясно, хотя от лестничной площадки его отделяла приемная со звукоизоляционной дверью. Молодой человек, видимо, тоже их слышал. Он весь подобрался, напряжился, словно хищный зверь перед броском.

— Кажется, идет, — прошептал адвокат.

— Не идет, а идут, мэтр, — поправил его Газит. — Вы не различаете, что идут двое?

Он бесшумно скользнул к той стене, на которой был выключатель; в правой руке у него тускло сверкнула вороненая сталь пистолета. Неуловимым движением свободной руки погасив свет, он замер у двери. Для того или тех, кто входил в кабинет, Газит был до некоторой поры незаметен.

Между тем тихие шаги слышались уже возле самого кабинета. Порше, которому молодой человек знаком приказал

оставаться на своем месте, почувствовал, как у него мелко трясутся руки. Он вдруг подумал, что те, кто стоял сейчас за дверью, прямо с порога начнут стрелять. И тогда он погибнет первым.

Словно в подтверждение его мыслей, дверь распахнулась рывком, и от неожиданности Порше чуть не вскрикнул. Он сам не понял, как сполз под стол. Из-под него адвокат видел, как в кабинет шагнул человек огромного, как показалось ему с перепуга, роста. Следом за ним вошел второй. Он что-то сказал на незнакомом Порше языке, и тут же вспыхнул свет. Адвокат закрыл глаза, чувствуя, что теряет сознание. Даже если бы этого не произошло, он все равно не смог бы понять, о чем говорили его «охранники» и те люди, которые пришли к нему. Впрочем, разговаривали они недолго...

...Когда Локис и Демидов добрались до конторы адвоката Порше, им стоило большого труда уговорить Анну не ходить с ними. Собственно, этим они начали заниматься еще в отеле и по дороге к Порше. Корнейчик наконец согласилась, хотя и неохотно.

Бесшумно поднявшись по крутой лестнице, разведчики быстро миновали приемную, освещенную дежурным синевато-фиолетовым светом. С минуту постояли возле двери в кабинет адвоката, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Володя взглянул на Купца и показал на массивную ручку, потом на него. Демидов понял, что он хочет, и в знак согласия кивнул. Сделав глубокий выдох, Володя рванул на

себя дверь. Купец одним прыжком ворвался в темноту кабинета и остоленело замер на месте. Вошедший следом за ним Локис сразу же понял причины растерянности своего командира. Кабинет был пуст.

– Вот укурок недоделанный, – выругался Демидов. – На дул, каналья!

Едва он успел это сказать, как вспыхнул свет и за их спинами голос неизвестного по-русски, но со слабым кавказским акцентом проговорил:

– Не шевелиться и не оглядываться, иначе стреляю! Медленно поднимаем руки вверх и опускаемся на колени.

– Во влипли, а! Как пацаны сопливые, – с плохо скрываемым сарказмом проговорил Демидов.

Но спорить он не стал и выполнил команду. Володя понимал, что в их положении, когда они понятия не имеют, сколько человек у них за спиной, чем они вооружены и вооружены ли вообще, спорить, а уж тем более сопротивляться было глупо. Поэтому он тоже опустил на колени, положив обе руки на затылок. Стоявший за ними человек что-то горланно крикнул, и Локис услышал, как в кабинет вошли еще двое. Он слышал, как один прохаживается за их спинами, но определить, где стоят остальные, на каком расстоянии от него и Демидова, он не мог.

– А теперь поговорим, – предложил тот же голос. – Для начала выясним, кто вы такие?

– Могу задать точно такой же вопрос, – дерзко ответил

Демидов.

– Вообще-то нам нужен адвокат Порше, – пытаюсь немного смягчить резкость Купца, миролюбиво вставил Локис. – А не вы...

Он лихорадочно соображал, как им выпутаться из ловушки, которую им устроили, судя по всему, подельники Гудаева. Но ничего путного в голову пока не приходило.

– Будешь хамить, русский, – ударю, – строго предупредил голос. И, словно желая показать серьезность своих намерений, парень (судя по голосу, он был не старше Володи) приблизился к Локису и занес руку, чтобы ударить его по голове или шее рукояткой пистолета. Это было ошибкой. Недаром в ВДВ существует шутливая поговорка, что «при плотном контакте лошадь опасна, когда к ней подходишь сзади, корову надо опасаться спереди, а десантник опасен со всех сторон».

Уклонившись от удара в сторону, Локис кувыркнулся вперед и влево. Правой ногой при этом он ударил стоявшего за ним человека в пах. Тот, взыв от боли, выронил пистолет, обеими руками схватился за отбитое место и что-то гортанно закричал. Кувырок позволил Володе развернуться лицом к нападавшим. Он заметил, что Купец тоже откатился к адвокатскому столу и уже вскочил на ноги. Почти одновременно с этим Локис услышал несколько выстрелов. Их звук напоминал тот, который бывает, когда из бутылки штопором вытаскивают пробку.

«Пистолеты с глушителями», – мелькнула мысль.

Вскочив прыжком на ноги, он увидел, что тот, кого он «по неосторожности» задел ногой, корчится на полу, а его пистолет валялся буквально в метре от Володи. Двое его напарников стояли в полицейских стойках, готовые стрелять, едва только кто-нибудь из разведчиков попытается продолжить сопротивление.

– Прыткие ребяташки достались, – глухо проговорил один из них, держа Локиса на прицеле.

– Пристрелить их, и все дела, – предложил второй.

– Не стрелять, – прохрипел с пола их главарь, он начал приходить в себя и даже смог подняться на четвереньки. – Мне эти скоты еще нужны. Глотки мы им потом пере-режем...

Володя взглядом смерил расстояние до пистолета, лежавшего на полу. Он прикидывал, есть ли у него шанс дотянуться до него и успеть выстрелить первым. Вывод был неутешителен: до пистолета он, конечно, допрыгнет, но на этом все и закончится. Его пристрелят раньше, чем он успеет вскинуть оружие.

Главарь почти совсем оклемался и начинал подниматься на ноги. Пистолет продолжал лежать на полу. В этот момент в приемной, дверь в которую по-прежнему оставалась открытой, послышался шорох. Оба громилы сработали одновременно: резко развернувшись, они дважды выстрелили в фиолетовый полумрак. На это у них ушло не более двух-

трех секунд. Но этого Локису было вполне достаточно: выполнив длинный кувырок, он встал на оба колена, одновременно хватая пистолет. Когда бойцы развернулись к нему, он встретил их двумя выстрелами. «Беретта» была без глушителя, поэтому грохот в закрытом помещении был приличным. Кислый запах порохового дыма тут же пополз по комнате. Бандиты даже не успели ничего понять. Тяжелые пули отшвырнули их к стене, подбросив и развернув в воздухе. Володя видел их удивленные уже мертвые глаза. Быстро переведя ствол на все еще стоявшего главаря, он насмешливо проговорил:

– Власть – штука переменчивая, как женщина... Лапы в гору, и ни гугу.

Демидов, заметив, что ему больше ничто не угрожает, метнулся в приемную.

– Аня, ты жива? – закричал он придушенным голосом. – С тобой все в порядке? Не зацепило?

– Мальчики, у вас все в порядке? – слышался в ответ из приемной голос Корнейчик. – Никто не ранен?

– Только убит, – проворчал Локис, поднимаясь в полный рост и обращаясь к бандиту: – Вставай, орел с куриными перьями, в зоопарк поедem. А для начала встань мордой к стене и не вздумай брыкаться.

В сопровождении Купца в кабинет осторожно вошла Анна. Огромный, как гризли, Алексей как-то особенно бережно поддерживал ее под локоть.

– Что у вас произошло? – растерянно глядя на трупы и стоящего у стены парня, спросила Корнейчик.

– Воюем помаленьку, – хмыкнул Локис.

– А где адвокат? – Аня обвела кабинет тревожным взглядом. – Он был здесь?

– Да хрен его знает, куда эта гнида смылась, – Купец повысил голос. – Если найду, порву, как Тузик грелку!

– Ребята, – перебила их Анна, – давайте все эмоции оставим на потом. Надо срочно искать Порше и сматываться отсюда. Выстрелы наверняка слышали с улицы. В любой момент может появиться полиция.

Разведчики переглянулись. Перспектива встречи с французскими блюстителем порядка их не радовала. Впрочем, поиски много времени не заняли. Почти сразу Демидов заметил торчащий из-под стола коричневый ботинок.

– Нашел куда прятаться, урод, – проворчал он, вытаскивая за шиворот перепуганного адвоката. – Что с ним делать? Просто пакуем или как?

– Минуточку, – Корнейчик достала из сумочки шприц-тюбик. – Закатайте ему рукав.

Порше, хотя и не понял, о чем говорят эти страшные незнакомцы, но, увидев, как ему задирают рукав рубашки, а «мадемуазель Лурье» приближается с чем-то напоминающим шприц, сообразил, что сейчас произойдет. Он забился в крепких руках Демидова, тщетно пытаясь вырваться.

– Нет-нет, мадемуазель! – закричал он. – Я вас умоляю, я

ничего никому не скажу про вас! Клянусь вам!!! Только не убивайте меня, умоляю вас!!!

Страх, помноженный на отчаяние, желание жить и бродивший в крови крепкий алкоголь придавали субтильному французу силы. Демидов, который на спор рвал колоду карт из тридцати шести листов, с трудом его удерживал. Локис, в этот момент вязавший брючным ремнем пленного боевика, не мог ему помочь.

– Успокойтесь, месье адвокат, – холодно прервала его вопли Корнейчик, – никто не собирается вас убивать. Это снотворное, вы просто уснете. Это даже полезно для ваших нервов...

Порше обескураженно затих: так разительна была перемена в поведении и голосе этой милой женщины. Анна ловко, словно занималась этим всю жизнь, сделала адвокату укол.

– Вот и все, – удовлетворенно констатировала девушка. – Минут через пять подействует...

– А у тебя еще есть такая штука? – неожиданно спросил Локис. – Для этого приятеля. – Он кивнул на лежащего возле его ног бандита. – А то боюсь, он шум на улице поднимет...

Ответить Аня не успела – с улицы послышался шум полицейской сирены. Все трое тревожно переглянулись.

– Что, испугались?! – злорадно засмеялся Аджоев. – Нервы-то не железные, жить все хотят. Правильно ты говорил, русский: судьба, она женского рода, потому и переменчива!

Володя наотмашь ударил говорившего рукояткой писто-

лета по голове, и тот сразу же затих. Взвалив его на плечо, Володя рысцой направился к выходу. Купец последовал за ним, взвалив на себя обмякшее тело адвоката Порше, Корнейчик шла замыкающей.

Глава 9

Камера, в которую французские власти поместили Гудаева, больше напоминала номер в российской гостинице средней руки: с телевизором, белоснежной раковиной для умывания, кабинкой туалета, полумягкой кроватью, над которой висела полка для книг. Был даже холодильник. У Гудаева, несмотря на запрет, имелся мобильный телефон, которым он пользовался почти открыто. Охрана за определенную плату смотрела на это сквозь пальцы.

Питался Гудаев не в общей тюремной столовой, а прямо в камере. Эту привилегию ему тоже предоставили по его просьбе. Еду, за отдельную плату, ему приносили из соседнего рестораника, куда каждое утро отправлялось составленное Гудаевым меню-заказ. Платил за это Салман, разумеется, не из своего кармана. Все расходы по его содержанию в тюрьме, так же как и оплата адвокатских услуг, производились из казны «Северокавказского халифата», вдохновителем создания которого он был. Откуда в эту казну поступали деньги, знали всего несколько человек из близкого окружения Гудаева.

Несмотря на то что камера была рассчитана на двоих арестантов, он сидел в ней один. И совсем не потому, что его посчитали особо опасным, а потому, что об этом попросил сам Гудаев. Ему до жути не хотелось никого видеть, а уж тем бо-

лее с кем-то общаться. К тому же французского языка он не знал. Даже на обязательных трехчасовых прогулках Салман держался особняком от остальных арестантов. Стоя в стороне, он с сосредоточенным видом думал о своем деле. И мысли его были невеселые. В том, что его не выдадут российской Генпрокуратуре, он был уверен и поэтому за исход первого процесса не переживал. Значительно больше его беспокоило то, что его обвинили в нападении на французского полицейского. И хотя он этого не делал, задержавший его в Орли старший инспектор Люка категорически настаивал на том, что именно он, Гудаев, отдал приказ напасть на него. Главным аргументом полицейского было то, что задержанные им люди разговаривали между собой не по-французски. И хотя этот аргумент казался абсурдным и где-то даже бредовым, суд принял его за основу обвинения. Об этом Гудаеву сообщил адвокат Порше, которого нанял для Салмана его помощник Гайси Ратуев. Почему он сделал такой выбор, Гудаев не интересовался. Но адвокат ему понравился. По крайней мере, первый процесс он провел профессионально.

Гудаев встал с кровати и прошелся по камере. Порше должен был прийти сегодня после обеда и сообщить Салману, какие доказательства его невиновности удалось раздобыть. Вечером ему позвонил на мобильный Ратуев и сказал, что Порше что-то там нашел. После обеда прошло уже полтора часа, но мэтр все еще не появился. Его телефон не отвечал. Не отвечал на звонки и верный Гайси. Его оператор

сообщал пустым механическим голосом по-английски, что абонент находится вне зоны доступа. Это начинало беспокоить Гудаева. Он не верил, что с Ратуевым могло что-то случиться, но нехорошие предчувствия не покидали его. Невозможность получить хоть какую-то информацию только усиливала беспокойство. Гудаев включил телевизор и опять лег на кровать, закинув руки за голову. Передавали новости, но незнание языка лишало Салмана возможности понять, что произошло за последние сутки. Впрочем, значение некоторых слов он уже знал, но этого было мало. Гудаев равнодушно смотрел на экран, слушая грассирующую речь. Мелькали какие-то политики, артисты, еще кто-то. Показывали бытовые сцены из жизни страны, зарубежные новости, автодорожные аварии. Неожиданно на экране возник портрет Мишеля Порше. Гудаев вскочил с кровати. По тому, каким постно-равнодушным тоном говорил диктор, Салман догадался, что говорят о чем-то очень важном. Несколько раз прозвучали слова: fusillade – «стрельба», deux cadavre – «два трупа», dangerous – «опасный» и arme a feu – «оружие». Напряженно вслушиваясь в речь, Гудаев пытался понять, что случилось с его адвокатом. Картинка сменилась. Теперь на экране были две фотографии, Гудаев сразу же узнал телохранителей Ратуева. Ошибиться он не мог, поскольку много раз видел их, когда они сопровождали Гайси. Несколько раз он уловил свою фамилию, несколько искаженную французской транскрипцией, но все равно узнаваемую. Мелькнуло здание

Дома правосудия, потом его, Салмана, портрет. Напоследок что-то говорил судья, который отказался экстрадировать его в Россию. Но Гудаев уже не слушал. Подбежав к двери, он несколько раз ударил в нее кулаком и прокричал, подзывая охранника:

– Gardien! Gardien!!!¹

Тот подошел не сразу. Салман знал почему. Во всей тюрьме нашелся только один охранник, потомок белоэмигрантов, который сносно говорил по-русски. Через него все остальные, включая и директора тюрьмы, общались с Гудаевым, когда ему было что-нибудь надо. Он же водил Гудаева на встречи с адвокатом. Роль переводчика выполнял Гайси, который обосновался во Франции еще в конце девяностых годов. Видимо, на этот раз на их этаже дежурил француз. Услышав призывные крики русского арестанта, он прежде всего отыскал Анри Коновью.

– Что у вас случилось, месье? – с каким-то особенным акцентом спросил тот, входя в камеру. – Я собирался уходить домой.

– Я только что смотрел новости, – сухо ответил Гудаев. – Там показывали моего адвоката. Он должен был сегодня прийти ко мне, но не пришел. Я могу узнать, что с ним?

– Вы хотите, чтобы я немедленно все бросил и начал узнавать об этом? – немного насмешливо поинтересовался Коновью.

¹ Gardien (*фр.* дословно) – сторож.

– Вам достаточно просто прослушать новости, – едва сдерживая раздражение, проговорил Гудаев. – Для вас ведь это не составит большого труда?

Охранник пожевал губами, словно это помогало ему обдумать предложение арестанта. Тот напряженно смотрел на Анри.

– Сколько вы хотите получить за эту информацию? – спросил он наконец. – Назовите цену.

– Деньги здесь ни при чем, месье, – задумчиво ответил Коновью, – через пару часов вы и так сами все узнаете. Сейчас как раз решается вопрос, что с вами делать...

– Да не тяни ты кота за хвост, – Гудаев уже не скрывал своего раздражения.

– Простите, месье? – Охранник слегка нахмурил брови. – Разве я мучаю животных?

Салман поморщился, сообразив, что выражение «не тяни кота за хвост», понятное любому российскому школьнику, проживший всю жизнь за границей Коновью воспринимал в буквальном смысле.

– Я имел в виду не это, – сказал он. – Я хотел сказать, что если вам что-то известно, то расскажите мне...

Анри пожал плечами.

– Мне известно немного, – ответил он после небольшой паузы. – Этой ночью в конторе адвоката слышали выстрелы. Когда туда приехал полицейский патруль, ажаны заметили, что из здания выходят какие-то люди – двое мужчин и жен-

щина. Мужчины несли на себе кого-то. Патрульные попытались задержать неизвестных, но те начали отстреливаться. Захватить их так и не удалось. В конторе мэтра Порше обнаружили два трупа. Сам адвокат исчез... Вот, собственно, и все, что передают в новостях.

Салман бессильно опустил на кровать и обхватил голову руками. Коновью сочувственно смотрел на него.

– Месье, не стоит так переживать, – проговорил он. – Через три-четыре дня, если вашим доверенным лицам не удастся найти нового адвоката, суд вам назначит защитника. Так что для вас не все потеряно. Кстати, полиция разыскала машину, на которой уехали неизвестные. Сейчас они допрашивают ее хозяина...

Гудаев промолчал. Казалось, что он не слышит, что ему говорит Коновью. Собственно, так оно и было. Охранник, потоптавшись на месте, вышел. Гудаев продолжал сидеть на кровати, раскачиваясь из стороны в сторону, как старый слепой дервиш на молитве. Все рушилось. Ему удалось оттянуть начало съезда на неделю. Через пару дней он рассчитывал выйти на свободу. Но теперь это мероприятие опять откладывалось, причем на весьма неопределенный срок. Но не это приводило в отчаяние Гудаева. И даже не то, что съезд могли провести без него и выбрать другого главу халифата. Этого Салман не боялся – выцарапать власть он сумел бы. Значительно больше он боялся, что съезд вообще не состоится, что все делегаты разъедутся, а тогда придется все на-

чинать заново. И тогда большой вопрос, захотят ли они собраться вновь? Салман слишком хорошо знал своих единоверцев. Подобные «накладки» сильно подрывали в их глазах авторитет лидера. А утратив его один раз, вернуть его было уже невозможно.

Гудаев стал успокаиваться, и его мысли потекли в другом направлении. Он попытался, впервые за все это время, проанализировать то, что случилось с ним за эти дни. Картина получалась несколько странной. Выходило, что полиция ждала его, знала, что он должен прилететь, знала, каким рейсом... Значит, им кто-то об этом сообщил. Но кто? И зачем? В памяти всплыло хищное лицо главного конкурента на пост главы халифата, Кадыра Асланова, при их последней встрече.

– Люди разберутся, кто им нужнее, – заявил он тогда. – Выборы решат многое...

Гудаев хорошо знал характер своего оппонента. Для достижения своих целей он не брезговал никакими методами, вплоть до физического устранения конкурента.

– Неужели это Кадыр? – прошептал он вслух. – Но тогда... Он же знает, чем ему это грозит.

Быстро достав телефон, Салман принялся набирать телефонный номер еще одного своего помощника.

Глава 10

К удивлению Локиса и Демидова, хозяин отеля, где они остановились, совершенно не обратил внимания на то, что у него появились какие-то новые жильцы. Он равнодушно посмотрел, как Володя и Купец отнесли на второй этаж два бесчувственных тела. Анна подошла к стойке и, мило улыбаясь, начала ему что-то объяснять. Пожилой француз, соглашаясь, только покивал.

– Что вы ему сказали? – подозрительно спросил Демидов, когда Корнейчик поднялась к ним в номер.

– Сказала, что это наши друзья из России, – хитро улыбаясь, ответила девушка, – что они обрадовались халявной выпивке в самолете и немного не рассчитали своих сил... Единственное, что он просил, это чтобы они ночью не загадили номер.

Купец недоверчиво посмотрел на Корнейчик, но ничего говорить не стал. Однако когда они остались одни, он высказал свои сомнения Володе.

– Чего-то наша Пигалица недоговаривает, – заявил он, задумчиво крутя в пальцах зажигалку. – Помнишь, когда мы сюда летели, она говорила, что французы подозрительно относятся к пьяным русским? А этот старый хрыч даже глазом не моргнул. С чего бы это, как думаешь?

– Без понятия, – произнес Локис. – Я, если честно, вообще

в эти тонкости не вникаю. Не вижу смысла. Все равно всей правды мы о ней никогда не узнаем. Не тот уровень... Она – агентурная разведка, мы глубинно-диверсионная. Чувешь разницу?

Демидов недовольно засопел.

– С этими что делать будем? – спросил он через некоторое время. – Я, кстати, не очень хорошо понял, на хрена ты этого урюка прихватил? Корми его теперь...

– Пригодится, – неопределенно ответил Володя.

Откровенно говоря, он и сам не очень хорошо представлял, чем может пригодиться этот боевик. Пленных они рассовали по разным номерам. И теперь те мирно спали, привязанные к кроватям. Анна обещала, что до утра о них можно не беспокоиться. Будут спать, как младенцы. До этого времени необходимо было решить, что с ними делать дальше.

В комнату к десантникам зашла Корнейчик. Девушка была радостно возбуждена.

– Ну, мальчики, – потирая маленькие ладошки, проговорила она, – четверть дела мы с вами успешно сделали. Осталось немного.

– Ага, – саркастически произнес Демидов. – Осталось немного – начать и закончить.

– Алексей, – укоризненно ответила девушка, – ну почему вы такой скептик?

– А хрен его знает, – честно признался Купец и пояснил: – Наверное, потому, что привык просчитывать самые проиг-

рышные варианты, а мне за это достаются выигрышные...

– Хороший способ притягивать к себе удачу, – рассмеялась Анна, но тут же стала серьезной. – То, что мы нейтрализовали адвоката Гудаева, это действительно только четверть дела. Даже меньше.

– Слушай, Пигалица, – прервал девушку Купец, – я, конечно, могу показаться идиотом, но все же объясни, на кой ляд нам сдался этот крысеныш вкупе с этим отполированным урюком?

Корнейчик устало вздохнула. Демидов был ей, в общем-то, симпатичен, но когда он начинал придуриваться, Аня готова была его убить. Вот и сейчас Алексей, скорчив глуповатую физиономию, наивно, по-детски смотрел на Аню, ожидая от нее ответа.

– Знаете что, Алексей, – проговорила она, – если вы не понимаете очевидных вещей, пусть это останется для вас секретом. И вообще, давайте говорить серьезно.

Купец смущенно крикнул. Девушка действительно могла «умыть» так, что и вытираться не придется.

– Seriously так seriously, – пробурчал он. – Только пока, как я посмотрю, мы всякой ерундой занимаемся вместо того, чтобы решать поставленную нам задачу...

– Леха, прекращай ворчать, – встрял в разговор Локис. – В конце концов, это не наша разработка...

– Вот именно, что не наша, – продолжал бубнить Купец. – А я не привык играть по чужим правилам.

– Все! – решительно пресекла начинающуюся свару Корнейчик. – Хватит! Ведете себя хуже детей, а еще называетесь разведчиками... Какое имеет значение, чья это разработка? Ваша, наша... Что это меняет? Адвокат нам нужен, пригодится и этот чеченец. Правда, я пока не знаю, для чего, но уверена, что пригодится...

– Погодите-ка, – Володя даже вскочил из кресла от внезапно осенившей его мысли. – У меня идея родилась! Насколько я понимаю, пока Гудаеву не найдут нового адвоката, никакого суда не состоится. Правильно?

Корнейчик и Демидов в знак согласия кивнули.

– А что, если мы им своего адвоката подсунем? – Володя хитро улыбнулся. – Помните, как у Высоцкого? «Вот тут-то мы им Папу и подкинули – из наших, из поляков, из славян».

– Медведь, выражайся яснее, – потребовал Купец. – Весь батальон знает, что ты увлекаешься Высоцким, но это делу не поможет...

– Аня, ты что оканчивала? – неожиданно спросил Локис.

– МГИМО, – растерянно ответила девушка. – А какое это имеет значение?

По-видимому, она тоже не совсем понимала, к чему клонит Локис.

– У вас основы юриспруденции и международного права преподавали? – игнорируя ее вопрос, продолжал допытываться Володя, озорно блестя глазами.

– Конечно, и не только основы... – ответила девушка и

вдруг расплылась в улыбке. – Я поняла! Ты хочешь, чтобы я стала новым адвокатом Гудаева?

– Вот именно! – Локис хлопнул себя по ноге. – И тогда у нас будет возможность контролировать ход процесса. Можем затянуть, можем ускорить...

– Ну, предположим, – вклинился в разговор Демидов, – что затягивать не имеет смысла. Сколько этого хмыря можно будет здесь держать? Еще пару-тройку дней, не больше. За это время надо успеть забрать Гудаева и уйти как можно дальше...

– Погодите, – остановила рассуждения Купца Анна, – идея Володи хороша, но только отчасти. Как я смогу навязаться в адвокаты? Мы даже не знаем, как выйти на сторонников Гудаева.

– А нам урюк поможет, – со злорадной ухмылкой заявил Демидов. – Зря, что ли, тащили его на себе... Как проснется, мы его об этом и попросим. Убедительно так попросим.

Демидов сжал свой огромный кулак, словно демонстрируя те аргументы, которые он собирался предъявить в разговоре с пленным. Корнейчик на мгновение задумалась.

– Хорошо, – согласилась она. – Только, мальчики, я вас очень прошу, без фанатизма. Договорились?

– Не переживай, Пигалица, – хохотнул Купец, – все будет в ажуре.

За окном серели предрассветные сумерки. Аня взглянула на часы.

– Тогда приступайте прямо сейчас, – посоветовала она. – Действие аминазина уже заканчивается... А мне надо в город съездить, подготовить кое-какие бумаги.

Демидов встал и с хрустом потянулся. Володя тоже поднялся. В эту ночь разведчикам так и не удалось поспать.

Глава 11

Разговорить пленного чеченца оказалось не так-то просто. На него не подействовал даже старый фокус с веревкой. Как известно, для правоверного мусульманина нет большего греха, чем быть задушенным. Эта казнь считается самой позорной для тех, кто строго придерживается догм ислама. Но на этот раз чеченец никак не среагировал на скручиваемую Локисом «петлю Линча». Он продолжал лежать связанным на кровати, безучастно глядеть в потолок и молчать. Казалось, что все, что с ним произошло вчера, так подействовало на его рассудок, что тот помутился, и теперь человеку абсолютно безразлично, что с ним сделают. Это несколько обескуражило Володю. Обычно вид петли срабатывал безотказно.

– Ничего не понимаю, – растерянно проговорил он, обращаясь к стоявшему за его спиной Демидову. – Может, он не мусульманин?

– Сними с него штаны и посмотри, – насмешливо посоветовал тот. – Отойди-ка, дай я попробую с ним поговорить. Вдруг получится...

Демидов наклонился над пленным и своим толстым, как сарделька, пальцем надавил на какую-то точку. Лицо связанного человека побелело, как простыня, но он даже не застонал. Демидов надавил сильнее, пленный замычал, но про-

должал молчать.

– Черт! – выругался Купец. – Это же дикая боль, на себе проверял! Может, он вообще боли не чувствует, спятил от страха? Я слышал, что с дураками такое бывает...

Разведчики переглянулись. Они впервые сталкивались с подобным. Если бы это было где-то в горах, то можно было бы применить и более изощренные методы «допроса с пристрастием». Уж чего-чего, а этих способов в арсенале любого диверсанта было предостаточно. Но здесь, в центре Европы, в пригороде Парижа, такое, по их мнению, было невозможно. Тем не менее пленного надо было заставить говорить. Нечего было и думать о продолжении операции без его участия. И заставить его говорить надо было немедленно.

Вдруг Володя начал обшаривать карманы связанного человека. На пол полетели блокнотик, авторучка, пачка сигарет, дорогая зажигалка, водительские права, запасная обложка к «беретте»...

– Ты чего ищешь, Медведь? – спросил Демидов, с некоторым удивлением наблюдая за действиями сослуживца.

– Одну хрень, – ответил Володя, – которая называется мобильным телефоном.

– На кой ляд он тебе сдался? – изумился Купец.

– А мы сейчас позвоним кому-нибудь из его поделльников, – доставая наконец-то телефон, проговорил Володя, – и расскажем, как погибли его бойцы. Стрелял-то я из его пистолета... Вот я и скажу, что я из ФСБ, а этот хмырь работа-

ет на нас. А потом мы его отпустим. И посмотрим, как долго он проживет...

Пленный презрительно посмотрел на Локиса.

– Тебе не поверят, русский, – тихо проговорил он. – Мне все доверяют, твое слово ничего не будет стоить...

– А вот мы сейчас это и проверим, – хмыкнул Володя, быстро просматривая контакты в телефонной книге. – Опаньки! – радостно воскликнул он. – Ты только глянь, Купа, что я нашел!

Локис протянул телефон Демидову.

Алексей несколько секунд смотрел на дисплей, ничего не понимая. На экране мобильного высвечивалось САГ. В кавычках – видимо, в качестве примечания – было дописано «хал. СКХ». Ниже стояли одиннадцать цифр номера.

– Ничего не понимаю, – признался он наконец. – Что это?

– Если я не ошибаюсь, – не отводя пристального взгляда от лица пленника, медленно проговорил Локис, – то «САГ» означает Салман Анзорович Гудаев, а «хал. СКХ» – это не что иное, как «халиф Северокавказского халифата». Я угадал, приятель? Купа, зови Анютку! И как это я раньше не догадался забрать у него телефон? Старею...

– Чтоб ты сдох, русская собака! – послышался с кровати возглас. – Все равно вы ничего не добьетесь! Вам не поверят!!!

– Заткни его, – попросил Володя, – а то, как сказал черт, подстригая кошку, шуму много, а шерсти мало.

– Может, его сразу пристрелить? – спросил Купец, деловито доставая пистолет с навинченным глушителем. – Один хрен он нам больше не нужен, раз у нас телефон «самого» есть...

– Не-е, – проговорил Локис, убирая мобильник в карман джинсов, – у меня на него другие планы. Мне значительно интереснее подставить его, чтоб свои грохнули. Опять же нам возни меньше.

– У вас ничего не получится! – продолжал верещать пленник, катаясь по кровати и тщетно пытаясь сорвать с запястий скотч, которым они были туго стянуты. – Салман вам ни за что не поверит! Он умный, он сразу же поймет, кто вы такие!

– Иди за Пигалицей, – устало проговорил Демидов, – а я пока с этим разберусь.

– Только не калечь его, – попросил Володя, выходя из комнаты. – Может, это терпеливое тело еще на что-нибудь сгодится.

Локис нашел Корнейчик в ее комнате. Она с кем-то разговаривала по мобильнику. Увидев Володю, торопливо проговорила:

– Олег Михайлович, я перезвоню... – и дала отбой. – Ну, как, – спросила она у Володи, зажимая телефон в ладошке. – Сумели договориться с этим товарищем?

– Почти. – Володя протянул девушке мобильник пленника. – У него есть прямой выход на Гудаева. Судя по всему, наш объект постоянно «держит руку на пульсе»...

Аня некоторое время внимательно смотрела на дисплей, что-то обдумывая. Она понимала, что телефон Гудаева – ценная находка, но как ее можно использовать, пока не знала. Входя все больше в роль командира группы, девушка одновременно чувствовала и тот груз ответственности, который начинал на нее давить. Корнейчик, несмотря на молодость, была опытным нелегалом, но руководить кем-то ей приходилось впервые. В плане, который дали ей в отделе, предполагалось, что Гудаева выкрадут в тот момент, когда его выпустят на свободу, после чего следовало сесть на рейс до Санкт-Петербурга, где их должны были встретить представители разведуправления. Но любой, даже самый идеальный план частенько дает сбой. Так получилось и на этот раз. Газеты писали, что у Гудаева нет шансов оправдаться за сопротивление полиции. Ему грозил тюремный срок. То же самое сказал ей руководитель парижской резидентуры ГРУ, с которым она встретилась в первый же день своего пребывания в столице Франции и который курировал всю операцию. Это он посоветовал похитить Порше и тем самым сорвать готовящийся процесс, а затем выкрасть Гудаева из тюремной камеры. Резидент обещал в этом помочь. Но вместе с адвокатом разведчики «прихватили» кого-то из окружения эмиссара. Это значительно усложняло дальнейшие действия группы. План, разработанный спецнами из отдела планирования, приходилось срочно перекраивать, подгоняя под сложившиеся обстоятельства.

– Вы говорили с адвокатом? – спросила Анна у Володи.

– Каким образом? – удивленно вскинул брови тот. – Лично я по-французски знаю только «мерси боку» и «шерше ля фам». Ну, еще «се ля ви». На этом мои познания заканчиваются... А что, собственно, ты хочешь у него узнать?

– Надо, чтобы он позвонил Гудаеву или тому, с кем он связан, – задумчиво ответила девушка, – и сказал, что передает это дело другому адвокату. Лицензию я сегодня получаю... Идемте, поговорим с ним.

Порше лежал на спине, уставившись выпученными глазами в потолок. Увидев входящих в комнату Локиса и Корнейчик, он испуганно замычал и замотал головой.

– Слушайте меня внимательно, месье, – сказала девушка, срывая с его рта полоску скотча. – Если вы будете вести себя прилично и не попытаетесь поднять шум, то останетесь живы. В противном случае эти люди убьют вас. И не надейтесь, что смерть будет легкой.

– Кто вы? – тяжело дыша, спросил Порше, едва у него появилась возможность говорить. – Зачем вы меня похитили? Что вам от меня нужно?

– Прежде всего, – Корнейчик присела в кресло, – расскажите, кто те люди, которые были в вашем кабинете.

– Я их не знаю, – пролепетал адвокат. – Когда вы ушли, я позвонил по номеру, который мне оставили, и сообщил, что появились доказательства невиновности моего подзащитного, но за это надо заплатить. И тогда пришли они...

– Все понятно, – кивнула Анна. – Я предлагаю сделку. Вы звоните своему клиенту, придумываете причину, по которой не можете больше заниматься его делом, и передаете его... Ну, скажем, вашей невесте, которая тоже адвокат. Кроме того, успокойте свою секретаршу, скажите, что с вами все в порядке. За это я гарантирую вам жизнь и свободу. Но только немного погода. Согласны?

– Но адвокатская этика... – начал было говорить Порше, но тут в комнату вошел Демидов. Деловито оглядевшись, он поинтересовался:

– Чего этот снусмумрик лопочет?

– А хрен его знает, – признался Володя. – Вон, у Анечки спроси...

– Пока он ничего стоящего не сказал... – отозвалась де-вушка.

– А давайте я ему что-нибудь сломаю, – делая зверское лицо, предложил Купец. – Может, тогда он сговорчивее будет...

Корнейчик хитро улыбнулась.

– Месье Порше, – проговорила она, указывая на Демидова. – Этот человек ломает вам шею, если вы откажетесь помогать нам. Боюсь, что он слабо разбирается в тонкостях адвокатской этики...

– Я не отказываюсь помогать вам, – забормотал побелевший Порше. – Просто я не знаю, что должен делать, вы же ничего не сказали...

– У вас непростительно плохая память, мэтр, – засмеялась Анна. – Две минуты назад я вам все популярно объяснила. Вы должны позвонить...

– Да-да, – торопливо перебил ее адвокат, – я помню. Простите, но... – Он выразительно посмотрел на связанные руки. – Как я могу это сделать?

Девушка кивнула разведчикам.

– Просит развязать...

Локис достал складной нож и одним резким движением рассек скотч на запястьях и лодыжках Порше. Несколько минут адвокат растирал затекшие конечности, затем достал свой мобильник.

– Что я должен говорить? – угрюмо спросил он, вопрошительно посмотрев на Анну. – Нужна ведь какая-то веская причина, почему я не смог присутствовать на процессе...

– Скажите, что попали в аварию, – предложила девушка. – И теперь лежите в госпитале...

– А как же трупы в моем офисе?

– Вы узнали о них только из выпуска новостей, – Анна и тут не растерялась. – Скажите, что старший велел вам ехать домой, обещая разобраться с шантажисткой без вас.

Порше затравленно оглядел всех троих, обреченно вздохнул и начал набирать номер...

Глава 12

Ближайший помощник, сподвижник и родственник Салмана Гудаева Гайси Ратуев пребывал в недоумении. За неполные сутки произошло столько непонятных событий, что у него голова шла кругом. Началось все с того, что ему позвонил Порше и рассказал о некоем диске, который мог спасти Салмана от тюремного срока. Потом бесследно исчезли посланные им к адвокату люди во главе с Газитом Аджоевым. Из утренних новостей Гайси узнал, что в адвокатской конторе была перестрелка, двое его людей погибли, а адвокат и Аджоев бесследно исчезли.

Все эти события не находили логического объяснения и валялись на Ратуева как снег на голову. Возможно, только поэтому он не сразу заметил, что у него разрядилась на телефоне батарея. Едва он успел поставить телефон на подзарядку, как раздалась мелодия. Ему кто-то звонил. Схватив трубку, Ратуев машинально взглянул на дисплей и почувствовал, как у него екнуло сердце. Высветился номер Порше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.